

рых записях) указано, что их должно быть десять. Следовательно, из 17-ти страниц автографа, некогда полностью прочитанного мной, он получил только четыре и, естественно, принял их за фрагмент «Райской птицы». На самом же деле опубликованный им «Отрывок 2» есть не что иное, как самое начало набоковского рассказа, который кроме меня видел, кажется, только Максим Шраер, когда в 1994 г. собирал материал для своей работы о рассказах Набокова. Я не имею ни малейшего представления о том, куда запропастились недостающие семь листов документа, — скорее всего, уже после составления описи их по ошибке переложили в другую папку, — но надеюсь, что рано или поздно они будут найдены, и мы получим возможность, восстановив рукопись в ее целостности, убедиться, что она прямого отношения к замыслу «Райской птицы» не имела.

С наилучшими пожеланиями журналу,

Александр Долинин

Ответ А. Долинину

Сообщаемые А. Долининым сведения о прочитанной им некогда архивной рукописи сами по себе очень любопытны. Сомнительно, правда, чтобы Таня могла «пообещать» рассказчику-художнику «наконец, ему отдаться», как пишет Долинин, да еще непременно в день своего рождения: это не вяжется с ее образом и сильно напоминает бездарный роман графомана Ильи Борисовича из рассказа Набокова «Уста к устам» (1931), у которого пожилой герой, поселившийся в своей квартире молодую Ирину, «хотел, чтобы она сама к нему пришла и воскликнула: “Возьми меня, мою чистоту, мое страдание... Я твоя”».

Долинин, однако, совершенно не проясняет главного: по каким признакам он определил, что второй отрывок из папки, помеченной “*Rayskaya ptitsa. Holograph draft of beginning of unpublished novel*” (курсив мой), является черновиком *рассказа*, а не *главы* всё того же незавершенного романа «Райская птица»? Какие у Долинина имеются основания так полагать, если (как он сам указал еще в 2004 г.) второй отрывок не имеет ни заглавия, ни даты (ни пагинации, добавим мы)? Не имеет он и подписи, в отличие от первого отрывка, озаглавленного «Райская птица. Роман» и датированного: «21–I–31». По-прежнему не ясно и другое: как Долинин определил, что этот «рассказ» имел финал («В финале рассказа Таня произносит сло-

ва...»), и не путает ли он тематическую завершенность продолжительного отрезка повествования (например, главы) с *концом* целого произведения?

В своем примечании 2004 г. Долинин не упоминает не только роман «Райская птица» и папку, из которой он взял отрывок, но даже не сообщает, в каком именно архиве (нью-йоркском или вашингтонском) публикуемая рукопись хранится. Приведя значительную часть из «Отрывка–2», он не приводит ничего из его продолжения (о щенке и муже Тани): значит ли это, что он выписал из рукописи второго отрывка лишь тот фрагмент, который опубликовал в своем примечании, и если так, то чем мотивирована такая избирательность?

В своей работе я обосновал связь двух отрывков: и в первом и во втором повествование ведется от первого лица — от лица того самого русского художника, который описывает затем свое знакомство с Таней. В ранней версии «Камеры Обскура» важно это противопоставление зоркому художнику обманутого слепого человека, которого он случайно встретил на улице и по просьбе которого берется (из любопытства и сострадания) выследить «рыжеватого господина» (будущего Горна) и его спутницу, «совсем молоденькую барышню» (будущую Магду).

М. Шраер не подтверждает, что читал в свое время в нью-йоркском архиве (Berg Collection) именно «Отрывок–2» (с Таней, щенком и сумасшедшим мужем), и в его диссертации, посвященной рассказам Набокова, о нем ничего не сказано.

Итак, тот набор сведений, которыми мы в данный момент располагаем, не дает оснований утверждать, как делает Долинин, что опубликованный мною «Отрывок-2» «есть не что иное, как самое начало набоковского рассказа», и обратно: нахождение этой рукописи в папке «Райской птицы», тематическая и нарративная взаимосвязь двух обильно правленных отрывков (и в первом и во втором, кроме прочего, описывается случайное знакомство героя-повествователя: с обманутым слепцом на улице и с русской женщиной на вечеринке), такая же писчая бумага, так же исписанная черными чернилами *gesto verso* и отсутствие каких бы то ни было указаний Набокова на самостоятельность «Отрывка-2» позволяют говорить о принадлежности двух отрывков к 1931 г. и к одному замыслу.

Обнаружение других страниц из манускрипта о русском художнике, безусловно, может внести существенные коррективы в атрибуцию этих текстов.